

Р. М. ЛАЗАРЧУК, Ю. Д. ЛЕВИН

**«ГАМЛЕТОВ МОНОЛОГ» В ПЕРЕВОДЕ
М. Н. МУРАВЬЕВА**

Судьба трагедии Шекспира «Гамлет» в России была сложной и многообразной.¹ Именно эта из всех шекспировских пьес была впервые упомянута в русской печати еще в 1731 г. в статье из английского журнала «Зритель» («The Spectator»), попавшей сюда, пройдя тройной перевод, где мимоходом говорилось о «показании преизрядных Гамлетовых и Отелоновых комедий».² Впрочем, видимо, русский переводчик и его читатели не вполне представляли себе, о чем идет речь, и, скорее всего, сочли Гамлета и Отелло (или Отелона) за сочинителей «преизрядных комедий».³

Семнадцать лет спустя А. П. Сумароков выпустил вторую свою трагедию — «Гамлет», причем Шекспир на титульном листе издания обозначен не был: указывалось только имя русского автора. Впрочем, русская трагедия была весьма далека от английского первоисточника. Опираясь на французский прозаический перевод-пересказ в одном из томов подготовленного Пьером Антуаном де Лапласом (La Place, 1703–1793) собрания «Английский театр» («Le Théâtre anglois», 1746), Сумароков создал по канонам классицизма

¹ См. литературу по предметно-тематическим указателям в справочниках: Шекспир: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1748–1962 / Сост. И. М. Левидова. М., 1964. С. 630; Уильям Шекспир... 1976–1987 / Сост. Ю. Г. Фридриштейн. М., 1989. С. 216–217.

² Перевод LXI разговора из I части Спектатора // Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях. 1731. Ч. 78. С. 318.

³ См.: Левин Ю. Д. О первом упоминании пьес Шекспира в русской печати // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исслед. и мат. Л., 1990. С. 254–256.

в сущности новую трагедию, в которой Гамлет в итоге побеждает своих врагов и вступает на датский престол.⁴ И когда противник Сумарокова В. К. Тредиаковский писал в 1750 г. в полемическом «Письме», что «Гамлет», «как очевидный сказывают свидетели, переведен был прозою с англинския Шекеспировы, а с прозы уже сделал ее почтенный автор нашими стихами»,⁵ оскорбленный Сумароков в «Ответе на критику» возражал: «Гамлет мой, кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекеспирову трагедию едва, едва походит».⁶

Показательно, что, утверждая свою независимость от Шекспира, Сумароков признавал, что монолог Гамлета в третьем действии был им воссоздан соответственно источнику.

Отверсть ли гроба дверь и бедствы окончати?
Или во свете сем еще претерпевати?
Когда умру, засну, - - - засну и буду спать;
Но что за сны сия ночь будет представлять!
Умереть и вниги в гроб - - - спокойствие прелестно;
Но что последует сну сладку? - - - неизвестно. . . и т. д.⁷

Так впервые зазвучал по-русски знаменитый монолог «To be, or not to be», и можно полагать, что Сумароков возбудил интерес к нему русской культурной публики своего времени. Во второй половине XVIII века монолог даже как бы оторвался от трагедии в целом, превратился в самостоятельное произведение и неоднократно переводился отдельно. Содержащийся в нем вопрос о жизни и смерти, о том, что благороднее — устранившись от борьбы, уйдя из жизни, или ополчиться против мирового зла, бороться с ним, не щадя себя, вопрос, волнующий человечество многие века, вставал и перед русскими общественными деятелями того времени.

Первый русский перевод монолога Гамлета отдельно от трагедии принадлежал М. И. Плещееву, состоявшему с 1762 г. в течение десяти или более лет советником русского посольства в Лон-

⁴ См. о «Гамлете» Сумарокова: Бардовский А. Русский Гамлет // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Кн. 4. С. 138–144; Алексеев М. П. Первое знакомство с Шекспиром в России // Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 19–31; Lang D. M. A Misjudged Russian Tragedy of the Eighteenth Century // The Modern Language Review. 1948. Vol. 43, No. 1. P. 67–72.

⁵ Куник А. Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке. СПб., 1865. Ч. 2. С. 441.

⁶ Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе <...> Александра Петровича Сумарокова. М., 1782. Ч. 10. С. 117.

⁷ Там же. 1781. Ч. 3. С. 95.

доне. Скрывшись под красноречивым псевдонимом «Англоман», он опубликовал в 1775 г. довольно точный перевод монолога шестистопным ямбом и, соответственно оригиналу, без рифм.⁸ После этого сравнительно точного перевода в следующем десятилетии появилось «Вольное подражание монологу трагедии Гамлета, сочиненной г. Шекспером»,⁹ созданное и анонимно опубликованное П. М. Карабановым (1764–1829), служившим в конторе дворцовых строений и деятельно сотрудничавшим в столичных журналах. Это «подражание» представляет собою трагическую сценку, в которой рассуждения о жизни, смерти, о царящих во круг коварстве и жестокости завершаются гибелью героя.

Монолог Гамлета переводился тогда на русский язык и в составе педагогического трактата «Наставник» («The Preceptor», 1748) Роберта Додсли (Dodsley, 1703–1764), английского поэта и издателя, который включил в качестве образцов для декламации несколько шекспировских монологов, в том числе и монолог Гамлета. Трактат был переведен на немецкий язык, и этот перевод послужил в свою очередь оригиналом для двух русских переводчиков. Оба они озаглавили монолог «Гамлетово размышление о смерти» (у Додсли — «Hamlet's Meditation on Death»; в немецком переводе — «Hamlets Betrachtung des Todes»), но один из них, М. И. Веревкин, заимствовал стихотворное переложение Сумарокова,¹⁰ другой же, А. А. Петров, дал довольно точный прозаический перевод.¹¹

Об актуальности монолога для передовых русских людей этого времени свидетельствует суждение А. Н. Радищева в его написанном в сибирской ссылке трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792). «Я всегда,— писал Радищев,— с величайшим удовольствием читал размышления стоящих на воскраии гроба, на праге вечности, и, соображая причину их кончины и побуждения, ими же вождаемы были, почерпал многое...» И для примера далее говорится: «Вы знаете единословие или монолог Гамлета Шекспирова и единословие Катона Утицкого у Аддисона».¹²

⁸ Перевод монолога. Гамлет // Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете. М., 1775. Ч. 2. С. 260–261.

⁹ Лекарство от скуки и забот. 1786. Ч. 1, № 17, 21 окт. С. 195–199.

¹⁰ Наставник, или Всеобщая система воспитания, преподающая первые основания учености. СПб. 1789. Ч. 1. С. 262–264.

¹¹ Учитель, или Всеобщая система воспитания, в которой предложены первые основания наук, особенно нужных молодым людям. М., 1789. Ч. 1. С. 99.

¹² Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 97–98.

Некоторые русские переводы монолога Гамлета тех лет не были изданы своевременно. Возможно, что они и предназначались их создателями не для печати, а для ознакомления сравнительно узкого круга друзей и единомышленников. Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772), сообщая о поэтическом творчестве И. И. Шувалова (1727–1797), известного политического деятеля, фаворита Елизаветы Петровны, указывал, что он «между прочим перевел из Шакеспировой трагедии Гамлетов монолог с великим успехом».¹³ Перевод этот утрачен, и точное время его создания неизвестно. Можно лишь предполагать, что Шувалов творил его в трагическую для себя пору, когда после смерти Елизаветы он находился в опале. Также не публиковался в свое время и принадлежавший поэту Ю. А. Нелединскому-Мелецкому (1752–1828), соратнику Н. М. Карамзина, стихотворный «Монолог из „Гамлета“ Шекспирова с Вольтерова перевода», который попал в печать почти через столетие после его написания.¹⁴

В такой обстановке и был создан Михаилом Никитичем Муравьевым (1757–1807) обнаруженный нами неизвестный ранее его перевод «Гамлетов монолог из Шекспира». Приводим текст полностью.

Се быть или не быть? вопрос мне предстоит.
Достойнее ль судьбы свирепости предаться
И ядовитым быть стрелам ея в предмете.
Иль сонму мук ее противу стать и праться
И стоя в пренье пасть... И пасть, погибнуть... спать
И боле ничего. Кончина, сладкий сон,
Что сердца нашего волненья скончает
И тысячи страстей, наследья бренной плоти,
Что сладостней того, скончаться и заснуть!
Заснуть! и видеть сны! Ах! в том-то злоключенье!
Мечты, что и во сне нас смертном ужасают.
Сотлеет персть сия; они еще живут.
Они-то наших бед течение продолжают.
Кто стал бы без того сносить превраты щастья,
Презренье гордаго и хищника алчбу,
Мученья, кои страсть нещастну сопровождают,
И отлагательства коварного суда;
Те взоры, что глупец, честями облученной,
На скрытое в толпе достоинство наводит,
Когда спокойство лъзя кинжалом приобрести?

¹³ Новиков Н. И. Избр. сочинения. М.; Л., 1951. С. 364–365.

¹⁴ Нелединский-Мелецкий Ю. А. Стихотворения. СПб., 1876. С. 143–144.

И где бы был еще тот смертный нерассудный,
Чтоб ига жизни злой сложить не восхотел?..
Но страх, что жизнь сия не утасает вечно,
И нечто по себе, кончаясь, влечет:
Страна, из коей век не возвращался путник,
У полных мужества отъемлет меч из рук.
Нам лучше все беды терпеть настоящи,
Чем в хладны броситься безвестности объятья...
Ах! так-то совесть нас всех робкими творит!
И размышление наводит томну бледность,
Посверх намерений, пылающих в душе;
Все предприятия с пути их соврашенны,
И гибнут, лишь родясь, великия дела...¹⁵

Так выглядит монолог Гамлета в переводе М. Н. Муравьева. В нашей науке уже высказывалось мнение, «что на рубеже 70–80-х годов именно Муравьев, видимо, лучше других знал и понимал английскую поэзию...».¹⁶ Действительно, Муравьев глубоко интересовался английской поэзией как частью национальной культуры, которую он постигал в масштабах мировой культуры. В его рукописном сборнике «Записки и чтения литтерерныя» (1770-е гг.) в общем изложении развития европейской культуры от древних времен он обращался к Англии (непосредственно после Франции) и писал:

«Враждебная Англия сама, сохраняя тщательно наследственное соперничество с Францией, была увлечена к подражанию успехами [Франции] в письменах и приятностях обращения. Сие — тема вольности гражданской, возникающая из утеснений тиранства и завоевания, составила совершенное отличное умоначертание для Англичан. Глубокомыслие, воспитанное учением, упражняемо ежедневным участием в государственных делах, выражение смелое, сродное с любовью вольности, чувствительная склонность к нравоучению, проистекающая, может, из благоустройства и простоты домашних правил <...> Семена вольности, законов, просвещения, без пользы засеянные Алфредом Великим, не вовсе исторглись и сохранились в воле <?> земли. Бакон, превышая столетие свое, из недр училищных умствований угадал пространство истинного учения. Современники древнейших стихотворцов Французских и соревнователи Италианцов, Спенсер, [Каули], Шекеспир устремляли выражения

¹⁵ РГБ, рукопись-конволют (без шифра), л. 56 об.

¹⁶ *Топоров В. Н.* Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы: (К постановке вопроса). Wien, 1992. С. 14 (гл. 2: Роль М. Н. Муравьева в ознакомлении русского читателя с английской литературой).

раждающегося языка за полетом живаго и приятнаго воображения. За ними последовали Милтон, Валлер, Денгам, Дрейден. Нравоучение и Стихотворство взыскуют <?> совокупно имена Попа и Аддисона. Томсон истощает все сокровища живописи и Юнг беседует с вечностию; между тем как Естественная философия со всеми сродными ей науками посвящает бессмертное имя основателя Невтона». ¹⁷

Как видим, в этом общем обзоре английской культуры упоминается и Шекспир. В то же время отношение Муравьева к нему было сложным. ¹⁸ Приверженец классицизма в начале творческого пути, он лишь в дальнейшем становился одним из основоположников русского сентиментализма, предшественником Карамзина, и это сказалось в его отзывах о Шекспире. Признавая величие английского драматурга, Муравьев поначалу обычно отмечал его «неправильность». В стихотворении «Успех британской музы» (1778), посвященном придворному поэту В. П. Петрову, в прошлом обучавшемуся в Англии, Муравьев, характеризуя творчество крупнейших поэтов-британцев, писал, в частности:

Колоссу равен там выходит исполин.
Как некий сильный волхв, он действует над миром.
Неправильно велик, мечты любимый сын,
Владыка британских сцен, зовомый Шекеспиром.
Природы дар его устав,
И им сотворены Отелло и Фальстаф. ¹⁹

Муравьев, как видим, считал, что «неправильность» не отрицает величия Шекспира. В другом стихотворении 1770-х гг. — «Видение», где поэт во сне созерцает Олимп с его древними и новыми обитателями, ему представляются «С Эсхилом — Шекеспир неправильного вида». ²⁰ В личных записях Муравьев отмечал «вольный дух Шекеспиров, которому природа служила вместо учения», что заставляет позабыть о «беспрестанном смешении подлого с величественным». ²¹ Наконец, в 1790-е гг. русский поэт поставил Шекспира («дитя Авона») рядом с глубоко им чтимым Ломоносовым в стихотворном обращении «К Музе»:

¹⁷ РНБ, ф. 499 (М. Н. Муравьев), № 39, л. 47—47 об. (с. 93—94).

¹⁸ См.: Кулакова Л. И. М. Н. Муравьев // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Л., 1939. Вып. 4. С. 20—21; Заборов П. Р. От классицизма к романтизму // Шекспир и русская культура. С. 114.

¹⁹ Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 172 (курсив наш).

²⁰ Там же. С. 191.

²¹ Цит. по: Шекспир и русская культура. С. 114.

Влагаешь чувство красоты
И в резвое дитя мечты
На берегах Авона,
И в гордого певца,
Который убежал из хижины отца
От влажных берегов архангельского града. . .²²

Таким образом, Шекспир, как правило, упоминался Муравьевым в ряду с другими авторами, с которыми он так или иначе сопоставлялся. Характерна, например, такая запись: «Англия произвела стихотворцев первой степени: Шекспира, Милтона, Дрейдена, Попа, Томсона, Юнга, Гловера, Грея, несчетное множество щастливых разумом, которые умели трогать по изволению нежнейшия струны чувствительности и жаркою кистию мечтательности представлять глазам воображения природу живую и дышащую».²³

В «Записки, касающиеся до истории писмен и наук» Муравьев включил и краткую биографию Шекспира,²⁴ судя по почерку и цвету чернил, она, видимо, была внесена сюда позднее сведений о других писателях. Эта биографическая заметка, заимствованная из какого-то иностранного источника, производит странное впечатление: Шекспир здесь назван именем John, а о его творчестве говорится лишь, что написанный в молодости «баллад» «открыл его дарования в стихотворстве» — и больше ничего.

Обратимся же к «Гамлетову монологу» в переводе М. Н. Муравьева. Поскольку перевод не датирован, возникают вопросы о времени его создания и об источнике. За изучение английского языка Муравьев принялся лишь в 23 года, когда уже свободно владел французским, немецким, итальянским языками и латынью. В то же время, поскольку основными иностранными языками, распространенными в русском культурном обществе в ту эпоху, были французский и немецкий, произведения английской литературы переводились тогда преимущественно с соответствующих «переводов-посредников».²⁵ Поэтому необходимо выяснить, с какого языка переводился «Гамлетов монолог».

Рукопись перевода занимает часть листа 56 об. в «Журнале на 1776 год». Однако это не означает, что он был создан в том

²² Муравьев М. Н. Стихотворения. С. 237.

²³ РНБ, ф. 499, № 29, л. 58–58 об.

²⁴ Там же, № 48, л. 47 об. (с. 94).

²⁵ См.: Заборов П. Р. «Литература-посредник» в истории русско-западных литературных связей XVIII–XIX вв. // Международные связи русской литературы: Сб. статей / Под ред. акад. М. П. Алексева. М.; Л., 1963. С. 69–70.

же году.²⁶ Отдельные листы своих поэтических журналов Муравьев нередко оставлял чистыми и заполнял позднее. Так, например, цитированное выше стихотворение 1778 г. «Успех британской музыки» было внесено в рукописный сборник «Услаждение скуки. Журнал Санктпетербургских упражнений 1775 года» (л. 50), а в начале 1780-х гг. Муравьев заполнил оставшуюся часть листа десятью строками перевода «Начало первой песни „Мессиады“ Клопшток» («Душа, к которой ржа не прикоснется тленья. . .».)²⁷

О занятиях Муравьева английским языком удалось выявить следующие сведения. 20 апреля 1781 г. он писал сестре Федосье: «На сих днях препровел я несколько времени за Аглинской Грамматикой. Я не могу уверить, выдет ли что нибудь из этого».²⁸ Какими грамматическими учебниками пользовался Муравьев, неизвестно; отметим, что к тому времени были уже изданы два таких пособия в России.²⁹ Но самостоятельные занятия не были успешными. В дневниковых тетрадах Муравьева сохранилась запись о его намерении в 1781 г. учиться греческому и английскому языкам, и в конце записи указано: «Другое намерение того же года учение Аглинского языка совсем опущено».³⁰ Русский писатель был вынужден обратиться к помощи учителя; в той же тетради записано: «1782 декабрь 7 был первый урок Аглинского у Г. Беля».³¹ В этой связи примечательно, что в одной из тетрадей Муравьева в хронологическом перечне знаменательных событий своей жизни, озаглавленном по-итальянски «Care memorie ed onorate» («Милые и чистосердечные воспоминания»), запись «Греч<еский> и Аглинск<ий> яз<ыки>» отнесена к 1782 г.³² Таким образом, можно полагать, что к середине 1780-х гг., когда в его библиотеке

²⁶ Сомнительность этой датировки отмечена в приложении к статье: *Алехина Л. А.* Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей // *Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Зап. отд. рукописей.* М., 1990. Вып. 49. С. 70, № 128.

²⁷ См.: там же. С. 66, № 73.

²⁸ ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 261, л. 30–30 об.

²⁹ Практическая Англиская грамматика переведенная с Англиского языка на Российский Морского шляхетнаго кадетскаго корпуса переводчиком Михайлом Пермским. СПб., 1766; Аглинска грамматика сочиненная Морского шляхетнаго корпуса учителем Прохором Ждановым в пользу учащагося благороднаго юношества. СПб., 1772.

³⁰ РНБ, ф. 499, № 37, л. 40 об.

³¹ Там же. л. 33.

³² Там же. № 27. Запись на внутренней стороне переплета.

появились английские книги, Муравьев в известной мере овладел английским языком.³³

Но с творчеством Шекспира он, как мы видели, был знаком и раньше. Есть основания полагать, что источником первоначального знакомства послужило 20-томное полное собрание драматических произведений Шекспира во французском переводе Пьера Летурнера (*Le Tourneur*, 1736–1788), деятельного переводчика и пропагандиста британской литературы, выходившее в свет в 1776–1782 гг.³⁴ Издание это было хорошо известно в России.³⁵ А о том, что Муравьев был вполне осведомлен не только о нем, но и о возникшей во Франции вокруг него полемике, свидетельствует его стихотворение конца 1770-х гг., сохранившееся в черновой записи; вот его начало:

Мерсьер и ле Турнер и кавалер Ретлидж
Стоят за Шекспира;
А де ла Гарп и латинистов спира
Против Вилиама на стогах кличут клич.³⁶

По всей видимости, Муравьев следил за последовательно выходившими томами издания Летурнера. В цитированной выше посвященной Шекспиру строфе стихотворения 1778 г. «Успех британской музы» упоминаются его герои Отелло и Фальстаф. Перевод трагедии «*Othello, ou le More de Venise*» был опубликован в томе 1 (1776). Переводы же пьес, где действует Фальстаф, — «*Henri IV, Roi d'Angleterre*» и «*Les femmes joyeuses de Windsor*», — печатались в томах 9 и 10, вышедших позже, в 1781 г. Но Фальстаф был представлен во включенной в том 1 биографии Шекспира («*Vie de Shakespeare*»). Там, в частности, сообщалось, что английскую королеву Елизавету, в царствование которой творил Шек-

³³ См.: Мартынов И. Ф. Библиотека и читательские дневники М. Н. Муравьева // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 55.

³⁴ *Shakespeare* / Traduit de l'Anglois, par M. Le Tourneur, dédié au Roi. Paris, 1776–1782. Т. 1–20 (Летурнер как переводчик указывался на титульном листе, начиная с т. 3). См.: *Cushing M. G.* Pierre Le Tourneur. New York, 1908. P. 154–252 (Ch. V: The Translation of Shakespeare).

³⁵ В предпосланном т. 1 издания списке («*Noms de MM les Souscripteurs*») указаны также подписчики из России: императрица, князь Барятинский, граф Чернышев, Лизакевич (секретарь русского посольства в Лондоне), генерал Шувалов, Сокологорский (секретарь русского посла), граф Строганов и даже некий Саж (*Sages*) — «негоциант в Петербурге».

³⁶ Муравьев М. Н. Стихотворения. С. 199. См. комментарий Л. И. Кулаковой (там же. С. 346).

спир, из всех его героев особенно пленил «оригинальный характер Фальстафа» в обеих частях «Генриха IV» и она пожелала, чтобы драматург изобразил его влюбленным, после чего была создана комедия «Виндзорские насмешницы». Кроме того, о популярности образа Фальстафа в Англии говорилось и в содержащейся в том же томе статье «Юбилей Шекспира» (*Jubilé de Shakespeare*).³⁷ И конечно, Муравьев не мог не обратить внимание на эти сведения.

Показательна запись на полях одной из тетрадей заглавий трех шекспировских трагедий: «Гамлет / Ромео и Жюльетта» / Король Лир»,³⁸ Муравьев таким образом нередко отмечал прочитанные им книги. Переводы этих трагедий были опубликованы в смежных томах 4 (1778) и 5 (1779), и это еще раз подтверждает наше предположение о последовательном знакомстве Муравьева с изданием Летурнера.

Таким образом, Муравьев мог ознакомиться с содержанием «Гамлета» уже в 1779 г. по тому 5, где был напечатан французский перевод, и обратить внимание на знаменитый монолог героя, переведенный Летурнером достаточно верно.³⁹

Однако, если версия Летурнера и привлекла Муравьева к монулогу Гамлета и возбудила в нем желание перевести, его перевод, полагаем, был осуществлен или по крайней мере завершен по английскому подлиннику или другому переводу-посреднику. Это предположение основано не на том, что перевод Летурнера прозаический, а Муравьева — стихотворный. Перевод французской прозы русскими стихами в то время практиковался неоднократно; вспомним хотя бы стихотворный эпос Тредиаковского «Телемахида», которым он воссоздал французский прозаический роман Фенелона «Приключения Телемака» (*Les aventures de Télémaque*). Но некоторые особенности перевода Муравьева сближают его с исходным английским оригиналом. Правда, шекспировский пятистопный ямб заменен шестистопным с цезурой после третьей стопы. Но требование просодического соответствия стихотворного перевода оригиналу сформировалось в русской литературе лишь в первой четверти XIX века.⁴⁰ Примененный Муравьевым

³⁷ *Shakespeare*. Т. 1. Р. XXXI–XXXII, XLVII.

³⁸ РНБ, ф. 499, № 30, л. 9 об. Сокращенное написание имени Джульетты «Жюль» свидетельствует о том, что Муравьев воспринимал его тогда во французском произношении.

³⁹ *Shakespeare*. Т. 5. Р. 119–122.

⁴⁰ См.: Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода: (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы. С. 24–26.

стих является дериватом распространенного в русской поэзии XVIII века рифмованного александрийского стиха, считавшегося в период классицизма обязательным для «высоких» жанров — эпоса, трагедии и др. Им, в частности, были написаны трагедии Сумарокова, в том числе и «Гамлет». Но Муравьев согласно английскому оригиналу переводил монолог нерифмованным (белым) стихом, как до него поступил и М. И. Плещеев, чей перевод монолога был ему, несомненно, известен,⁴¹ и, возможно, он противопоставлял свой перевод плещеевскому.

Соответствие оригиналу проявилось прежде всего в том, что у Муравьева, как и у Шекспира, монолог составляет 33 строки⁴² (у Плещеева — 31), т. е. переводчик стремился достичь эквилибрности, значение которой для стихотворного перевода подчеркивал еще в середине века В. К. Тредиаковский в предисловии «К читателю», открывавшем собрание его сочинений.⁴³

В своих раздумьях о принципах перевода Муравьев пришел к мысли о необходимости правильно воссоздавать содержание и индивидуальный стиль переводимого автора. В незавершенной заметке о переводах он писал: «Надо не так переводить Лукиана, как Овидия, и обратно; не стараться поправить оригинал. В переводе, как в чистом зеркале, не только красоты, да и погрешности видеть должно».⁴⁴

Выше мы указывали, что шекспировский «Гамлет» в переводе Летурнера был передан достаточно верно. Однако сопоставление монолога Гамлета в оригинале и во французском и русском переводах позволяет выявить некоторые отклонения у Летурнера, которых не допускал Муравьев, ориентируясь на оригинал. Приведем характерный пример. В оригинале сказано, что смерт-

⁴¹ Перевод Плещеева был напечатан в 1775 г. в «Опыте трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете» (см. выше, примеч. 8). Муравьев, очевидно, следил за этим изданием, так как 3 декабря 1776 г. стал членом Вольного российского собрания «по представлению» А. А. Барсова, его бессменного секретаря и редактора «Опытов», который постоянно «ссужал» его книгами как своего бывшего воспитанника в университете (см. письмо М. Н. Муравьева своему отцу Н. А. Муравьеву от 8 декабря 1776 г.: ОПИ ГИМ, ф. 445 (собр. А. Д. Черткова), ед. хр. 49, л. 13).

⁴² В оригинале монолог Гамлета занимает строки 56–88 1-й сцены III действия. Ниже к цитатам из оригинала указываются номера строк. Курсивы в приводимых ниже цитатах наши.

⁴³ См.: Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василия Тредиаковского. СПб., 1752. Т. 1. С. IV.

⁴⁴ Цит. по: *Фоменко И. Ю.* М. Н. Муравьев и проблемы индивидуально-стиля // На путях к романтизму: Сб. науч. трудов. Л., 1984. С. 60–61.

ным сном «we end / The heart-ache and *the thousand* natural shocks / That flesh is heir to» <61–63; «мы заканчиваем боль сердца и *тысячу* жизненных ударов, которые наследует плоть»>; у Летурнера соответствующее место: «nous mettons un terme aux angoisses du coeur, et à cette *foule* de plaies et de douleurs, l'heritage naturel de cette masse de chair» < «мы кладем предел томленьям сердца и этому *множеству* бедствий и скорбей, естественному наследию этой груды плоти» >. Как видим, во французской версии числительное «тысяча» исчезло и заменено абстрактным «множеством». У Муравьева же: «сердца нашего волненья скончивает / И *тысящи* страстей, наследья бренной плоти».

В начале статьи мы отметили включение монолога Гамлета в английский педагогический трактат Роберта Додсли, который получил распространение в Европе и, в частности, был издан в немецком переводе, содержащем, соответственно, немецкую версию монолога.⁴⁵ Как выяснилось, М. Н. Муравьев имел этот немецкий перевод. В сохранившемся отрывке составленного им самим каталога своей библиотеки содержится следующая запись: «149. Учитель, или Система воспитания. С Агл. 1765. Лейпц. 2 тома. 8».⁴⁶

Таким образом, Муравьев имел возможность знакомиться с переводом монолога на вполне ему доступном немецком языке. Немецкий перевод достаточно точен (кстати, в нем упоминается «*tausend Herzenangst*» — «*тысяча* сердечных тревог»), выполнен согласно оригиналу белыми стихами пятистопного ямба и содержит 33 строки, причем последняя строка, как и в оригинале, неполная. Сравнительное сопоставление перевода Муравьева с английским оригиналом и немецким переводом убеждает, что русский поэт, несомненно, обращался к немецкой посреднической версии. Например, в оригинале смертный сон, прекращающий, возможно, жизненные страдания, упоминается просто:

⁴⁵ Der Lehrmeister oder ein allgemeines System der Erziehung worin die ersten Grundsätze der Erziehung einer feinen Gelehrsamkeit so vorgetragen werden dasz man dadurch das Genie der Jugend am glücklichsten prüfen und ihren Unterricht befördern kann. Leipzig, 1762. Bd. 1. S. 123–124. Ксерокопию страниц этого старинного издания любезно прислала доктор Г. Леманн-Карли, которую благодарим за оказанную помощь.

⁴⁶ РНБ, ф. 499, № 6, л. 4 об. (сообщено Н. Д. Кочетковой). Укажем, что записи иностранных книг в своем каталоге Муравьев делал в русском переводе; отмеченное место издания «Лейпц.» (т. е. Лейпциг) свидетельствует, что описывался немецкий перевод, а год — «1765» — указывает, что Муравьев обладал вторым изданием.

«a sleep» (61), без каких-либо эпитетов; в немецком же переводе он назван «Ein süßer Schlummer» («*сладкая дремота*»), и у Муравьева соответственно «*сладкий сон*» (а через две строки появилось наречие «сладостней», не имеющее уже прямого соответствия ни в английском, ни в немецком тексте). Близость немецкой версии явно проявилась в передаче следующих строк, которые в оригинале звучат так: «thus the native hue of resolution / Is sicklied o'er with the pale cast of thought. . .» <84–85; «так врожденный цвет решимости болезненно покрывается бледным оттенком мысли»>, а в немецком переводе: «So macht uns alle das Gewissen feige! / Die Ueberlegung kränkt mit bleichen Farbe / Das Angesicht des feurigsten Entschlusses» <«*Так делает всех нас совесть трусливыми! Размышление обижает бледной краской лицо пылающего решения*»>; у Муравьева: «*так-то совесть нас всех робкими творит! / И размышление наводит толмну бледность / Посверх намерений, пылающих в душе. . .*».⁴⁷ Русский перевод здесь ближе к немецкому не только содержанием, но и структурой (в частности, восклицательным знаком, завершающим строку).

В известной мере немецкий перевод был ближе поэтике самого Муравьева, чем оригинал. Так, например, в нем устранена лексика, которую русский поэт мог считать вульгарной. Строки оригинала: «who would fardels bear, / To grunt and sweat under a weary life. . .» <76–77; «кто бы стал тащить бремя, чтобы *брюзжать* и *потеть* под тяжестью томительной жизни. . .»>, в немецком переводе: «Wo ist der Thor, der unter dieser Bürde / Des Lebens langer seufzete?» <«Где тот глупец, который под этим бременем жизни дольше изнемогает?»>; «низменные» глаголы здесь устранены, и, соответственно, у Муравьева: «И где бы был еще тот смертный нерассудный, / Чтоб ига жизни злой сложить не восхотел? . . .» Из немецкой версии было заимствовано эмоциональное междометие «ах!», отсутствующее в оригинале: «Ach hier liegt / Der Knoten!»; у Муравьева: «Ах! в том-то злоключенье!» Показательно созданное Муравьевым перифрастическое выражение; переводя строки: «The undiscover'd country from whose bourn / No traveller returns, puzzles the will» <79–80; «неоткрытая страна, из пределов которой не возвращался ни один путешественник, *смущает волю*»>, он преобразовал простое сказуемое и дополне-

⁴⁷ Эти строки лексически отчасти близки соответствующему месту прозаического перевода монолога, сделанного А. А. Петровым с немецкого перевода (см. выше, примеч. 11): «*Так-то совесть во всех нас робость вселяет. Размышление покрывает бледностию горящее лицо решимости. . .*».

ние в образную строку: «Страна, из коей век не возвращался путник, / У полных мужества отъемлет меч из рук». Но созданная им поэтическая строка была, очевидно, подсказана немецким выражением: «*entwaffnen unsern Mut*» < «обезоруживают наше мужество» >.

Освоение сентименталистской поэтики, культивирующей эмоциональную выразительность, сказалось в игре Муравьева многоочиями, восклицательными знаками, упомянутым междометием «ах!», которое он употребил дважды (в немецкой версии оно содержится лишь один раз). В то же время в русском переводе встречается и архаическая лексика — след прежней приверженности Муравьева к классицизму: «ее противу стать и праться. . .», «сотлеет персть сия», «превраты щастья», «хищника алчбу», «льзя» и т. д.

На основании отмеченной (см. примеч. 47) близости двух строк перевода Муравьева с прозаическим переводом А. А. Петрова, опубликованным в 1789 г., можно предполагать, что «Гамлетов монолог» был завершен именно тогда, тем более что, судя по рабочим тетрадям и письмам Муравьева, он вполне овладел английским языком только к концу 1780-х гг. И несмотря на то, что, создавая свой перевод, Муравьев, как мы старались показать, несомненно опирался на немецкий перевод-посредник, он все же, вероятно, учитывал и английский оригинал. Заметим в этой связи, что в 1780-е гг. и позднее Муравьев сотворил несколько фрагментарных переводов произведений английских поэтов, стремясь, вероятно, постигать таким путем своеобразие и сущность английской поэзии. Эти переводы: начало книги III «Потерянного рая» («*Paradise Lost*») Джона Мильтона, отрывок из заключения «Опыта о человеке» («*Essay on Man*») Александра Попа, отрывок из «Времен года» («*The Seasons*») Джеймса Томсона.⁴⁸ Как и «Гамлетов монолог», Муравьев, видимо, не предназначал переводы для печати, а делал для себя, так сказать, «в стол». При этом, однако, несомненно, что переводимые оригиналы так или иначе были в согласии с духовной жизнью русского поэта — его мировоззрением, настроениями и переживаниями. И мы можем полагать, что трагический монолог Гамлета был ему внутренне близок. В его переводе встречается даже некоторое усиление скорбной тональности за счет эмоциональных эпитетов.⁴⁹ Характерно в этом отношении воссоздание стро-

⁴⁸ РГБ, рукопись-конволют М. Н. Муравьева, л. 62 об., 65, 82.

⁴⁹ О значении эпитетов в его поэзии см.: Петрова З. М. Эпитеты М. Н. Муравьева // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1958. С. 151–166.

ки оригинала: «The pangs of dispriz'd love, the law's delay. . .» <72 «Муки отвергнутой любви, проволочка в судах», близко переданной по-немецки: «die Qual verschmdhter Liebe, / Den Miszbrauch der Gesetze. . .»; у Муравьева же эта строка переведена: «Мученья, кои страсть *нещастну* спровождает / И отлагательства *коварнаго* суда. . .» Словом, в творческом сознании М. Н. Муравьева мы находим ранний след зарождения русского гамлетизма.